

14-20 АВГУСТА 1995 ГОДА

СОВМЕСТЬ ДНЕЙ

РАДИОПРОГРАММЫ

ИСТОРИЯ ОТ АЛЕКСАНДРА ШЕРЕЛЯ

Однажды я спросил у знаменитого диктора Левитана – а кто научил радио разговаривать?

Юрий Борисович помолчал, а потом ответил:

– Станиславский.

Между тем Константин Сергеевич Станиславский порога радиостудии никогда не переступал, а единственная попытка записать его голос вызвала у него неподдельный ужас:

– Нет, нет. Уберите. Это – дьявольская машина, – замал он руками, когда услышал себя...

Очень уж непривычно оказалось.

В доме К.С. Станиславского в Леонтьевском переулке, где теперь мемориальный музей, в кабинете, на деревянной тумбе у окна, стоит радиоприемник "СИ-235" – самая распространенная марка начала 30-х годов. В дальнем углу той же комнаты есть и фонограф – сломанный. И даже валик восковой к нему есть, – по преданиям, на нем записан пастуший рожок для первой постановки "Вишневого сада". Проверить нельзя, мастера, который взялся бы за починку "Edison business phonographs" № 11961-с, пока не находится.

Репродуктор на стене и приемник появились в один и тот же день – в январе 1933 года, накануне семидесятилетия хозяина. Отмечали дату торжественно – назначили прием делегаций в Леонтьевском, торжественное собрание, юбилейные представления в разных театрах. Однако из-за болезни Константин Сергеевич чрезвычайно редко покидал свой дом, и было крайне сомнительно – посетит ли он высокие собрания своим присутствием.

Юбилейный комитет зарезервировал такую возможность: московская радиосеть должна была передавать приветствия в дом в Леонтьевском сразу из нескольких театров и концертных залов, где собирались почитатели великого реформатора драматической

Как Станиславский репродуктор святил

сцены. Все это запланировали на 18 января.

За два дня привезли радиоприемник. Хозяин распорядился убрать его в самую дальнюю кладовую.

Накануне пришли техники и, стараясь особенно не шуметь, укрепили проводку и репродуктор. Константин Сергеевич весь день хмурился, пробовал было сам снять репродуктор со стены, просил домашних, но порвать провода никто не решался. Поздно вечером Станиславский послал за священником. И только после того, как батюшка окропил адское изобретение святой водой, хозяин дома успокоился.

Ту же процедуру повторили над радиоприемником, но на всякий случай убрали его опять в кладовку.

(Недавно я случайно увидел, как высокопоставленного представителя церкви на "Чайке" привезли в телестудию, в которой теперь начальствует бывший высокопоставленный сотрудник идеологического отдела ЦК КПСС – изгнать "беса", очевидно, поселившегося там при прежней власти. Вот это было зрелище!)

Утром юбилей расположился в кресле среди букетов белой сирени. Принесли пироги из Оперной студии – любимые, с капустой. После двухчасовой беседы с делегацией московских артистов в гостиную осталось лишь несколько учеников. Включают радио, звучит музыка, но Станиславский просит убрать – она мешает разговаривать.

Но тут вбегает артист Н.А. Подгорный и говорит:

– А сейчас начнется передача приветствий по вашему адресу.

– А кто будет говорить? – Станиславский кивает в сторону черной тарелки репродуктора.

Подгорный называет тех, кому поручено выступать на торжественном собрании: Качалов, Бирман, Гиацинтова...

– Что же, – говорит Константин Сергеевич, – послушаем, какая у них дикция...

"Технические искусства" великий maestro вообще-то не очень жаловал. По поводу кино написал откровенно: "Экран отнял у театра всех его актеров, но не дал ему ни одного..." Думаю, что зависимость художественного

результата прежде всего от техники – поставила для него радио в тот же ряд. Интересно поэтому, а как относился Станиславский к выступлениям своих питомцев у микрофона и вообще, слушал ли он их?

Биографы много пишут об искусственной изоляции Константина Сергеевича в середине 30-х годов. Именно в это время московское радио регулярно передавало (по несколько раз) двенадцать спектаклей из репертуара МХАТа, в том числе "Мертвые души", "Вишневый сад" и "Дядя Ваня". Никакой видимой реакции на эти программы "Театра у микрофона" из дома в Леонтьевском переулке не возникало. Но проследим любопытное совпадение.

Особое беспокойство у Станиславского в этот период вызывало снижение художественной дисциплины в театре. Есть множество свидетельств того, как регулярно, в письменной или в устной форме, он обращался к этой теме. Но если совместить эти его выступления с программами радио, в которых были заняты мхатовские артисты, то возникает такая ситуация. Письму, статье, беседе с учениками о невозможности актеру "сохранить себя для подлинного творчества", если он разменивает себя на случайные выступления и погоню за успехом, предшествует довольно часто или премьера радиоспектакля, или концерт, или студийная трансляция театрального представления с участием актеров Художественного театра.

А между тем именно Станиславскому радио обязано умением общаться со своим слушателем, быть понятным ему и понятным – его учение о "словесном действии" стало основой творчества у микрофона, и, кстати говоря, не только у нас.

Месяц назад во Франции, в Арле – ну там, где подсолнухи Ван Гога и "Арлезианка" Доде – проходил международный радиоуниверситет, и я задал коллегам вопрос: "У кого радио училось говорить?"

"Мэтр" немецкого радио пожал плечами:

– Пожалуй, у Станиславского...

"Мэтры" из Варшавы и Парижа согласились.